

Азбука **Голоса**

Другие книги
серии
«АЗБУКА.ГОЛОСА»

Валерий Шпякин
0,5

Владимир Березин
СНТ

Анна Линская
КАФЕ СМЕРТИ

Екатерина Какурина
МАРКЕТОЛОГ
ОТ БОГА

Марина Чуфистова
ЙАЛКА

Александр Касаверде
Электрические киты

Владимир Шинкарев
МАКСИМ И ФЕДОР

Владимир Березин
УРАНОТИПИЯ

Сергей Гандлевский
ТРЕПАНАЦИЯ ЧЕРЕПА | НРЗБ

Андрей Волос
ОБЛАКА ПЕРЕМЕН

Роман Шмараков
КНИГА СКВОРЦОВ

Владимир
Березин

СВИ-
ДЕ-
ТЕЛЬ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 48

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Орехова

Березин В.

Б 48 Свидетель : роман / Владимир Березин. —
СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. —
384 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-27729-8

Главный герой «Свидетеля» — капитан, успевший повоевать на излёте Советского Союза, наблюдатель в мире, возникшем на обломках былой империи. Он отрешённо странствует по России и другим странам, встречается людей из прошлого, влюбляется, теряет возлюбленную, находит её, чтобы вновь потерять, и теперь уже навсегда... «Свидетель» отсылает к одной из лучших книг о Гражданской войне — «Сентиментальному путешествию» Виктора Шкловского, и война становится равноправным героем этой книги. А ещё это роман о девяностых — времени не только большого подъёма, но и великой растерянности. Это книга об эпохе, успевшей превратиться в миф.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-27729-8

© В. С. Березин, 2025
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

Летопись будничных злодеяний
теснит меня неумолимо.

Исаак Бабель

Пусто и хорошо. Нет обязательств. Лучшая профессия — Родину... Что? Даже само слово пишется непонятно — то ли с большой буквы, то ли с маленькой. Бога нету, или всё же Он есть, судя по происходящему — всё же есть, но я уже никакой не капитан. Да и был им случайно, по воле отца. Вернее, я запáсен, запáсен, положен куда-то до новых времён. Государство только что поменяло имя и съёжилось. Но новые времена — непонятны, никто не знает, придут ли они, не придут, никому не известно, какими они будут. Запас портится, запасные спят, солдаты гуляют с пастушками, дерутся с парнями, всё больше амуниции исчезает в кладовой шинкаря. Слава богу, война кончилась, говорят селянки, нянча сорных солдатских детей. Кто ты после окончания похода? Пора по домам, варить старухам по пути кашу из топора, травить байки, балуясь чужим табаком. Но это обман, недоразумение, война высовывается из рукава, будто припрятанная шулером карта. Государства хранят вечный мир, воюют только люди, только люди несут ответственность за будничную кровавую возню. С благословения и без они начинают улучшать жизнь, взяв в руки оружие. Любая

драка совершается из лучших побуждений. История эта вечна, скучна, она повторяется с точностью до запятой, уныло ведя счёт истреблённым. Даже количество крови в человеке остаётся прежним — две трёхлитровые банки — так же, как и века назад. Война гудит, как судно в тумане, её не видно, но она рядом. Не спрашивай о колоколе, он устал звонить. Боевая сталь ещё в руках, она не покидает этих рук, и не остывают ни рукоять, ни клинок, только согреваются они по-разному. Если нельзя драться по-крупному, дерутся помелкому. Войска не распущены, они просто застоялись. Начала у войны нет, а есть только продолжение. Кем ты стал, кто ты есть во время этого продолжения, приближающегося, как «Титаник», и айсберг уже неподалёку. Шинкарь вытаскивает заложенное оружие из погреба и раздаёт — своим или чужим. Остаётся лишь сочинять письма до востребования.

Я начал черкать что-то на обороте карты — прямо в поезде. В поезде писать было странно — сложно и просто одновременно. Сложно — потому что качает, неудобно, карандаш клюёт бумагу. С другой стороны, всегда есть о чём: вот в тамбур вошёл небритый парень и тут же, отвернувшись к запотевшему окну, вывел на стекле по-русски: «Джохар».

Нужно записать и это.

В вагоне уже давно воцарился особый запах — полежавших варёных яиц, вчерашней котлеты, потных детей и несварения желудка.

Это мир, где одинокому не дадут пропасть, поднесут ему помидорчик, насыпят соли на

газетку, одарят картофелиной во влажной кожуре.

В этом мире стучали друг о друга какие-то незакреплённые детали, хлопала дверь тамбура.

Впрочем, я ехал и ехал, валился под колёса ясный солнечный день — мелькнули купола Спас-Андроньевского монастыря, засуетились от поездного ветра банки и бумажки на склоне, блеснули крыши гаражей в зоне отчуждения.

Меня сморило, и сразу же явилось видение — адские врата, железные, огромные, с колючей проволокой поверху, а вокруг был лай конвойных собак и крупа, несущаяся в лицо. Но не меня охранял конвой, а я сам был им. Хотя всё ехал и ехал, ночь окутывала мир, побаивался я таможенников и пограничников и не знал, чего хотят они от меня. Ехал подальше от любви и от дел. В школе я так мечтал поехать в Венецию зимой — поехать на поезде, через все многочисленные границы, поехать так, чтобы меня будили пограничники всех крохотных стран, пятная мой паспорт разноцветными печатями. Я жил неподалёку от вокзала и, торопясь на электричку, видел прицепной вагон на Венецию — точно такой же, как остальные зелёные вагоны, но с этой сказочной табличкой на борту.

А этой весной я выходил на холодные перроны, смотрел — не пахнет ли югом. Вот вывалился из вагона на перрон бодрый старикан и, тупо глядя в пространство, раскатисто произнёс:

— Граждане куряне, все ли вы с...

Тут он оборвал стих, а постояв молча, пропел:

Пиво жигулёвское,
Розовые раки —
Приходи ко мне, девчонка,
Я живу в бараке.

Итак, писать очень трудно. Так бы я хотел начать, но начал с того, что никакого Крыма нет.

Его, собственно, не может быть.

Не известно никакого доказательства его существования.

Все имеющиеся косвенны и напоминают известное «корабль, удаляясь, исчезает за линией горизонта, значит...»

Это не значит ничего.

Географические карты доказывают существование сотен городов, и некоторые из них даже с миллионным населением. Где, например, город Свердловск? Между тем ни на какой карте не найдёшь рая или ада, в существовании которых уверено огромное количество людей.

Итак, Крым существует лишь в воображении, но я медленно приближался к нему.

Я видел, что свободного места в поездах стало мало.

Люди везли что-то важное — и для себя, и для других, но меня это не очень занимало. Поезд был набит странными людьми. Они, как казалось, одиннадцать месяцев занимались каким-то глубоко противным им делом и наконец, усевшись на вагонные полки, приступили к другому, настоящему.

Мои попутчики не понимали смысла моего перемещения. Меня несли не средства транспорта, а средства перемещения согласно жёлтому плацкартному билету.

Цыганки напрасно звенели своими монистами, сверкали золотыми зубами, и напрасно грязные босые дети, плача, плясали на жарком станционном асфальте — я знал всё, что со мной будет. Взгляд оставлял их внизу, ниже двойного железнодорожного, закрытого на вечную зиму окна. Вот они переместились с его левого края на правый, исчезли. Их громкие крики ещё слышны, но звук колёс становится громче.

Перемещение — вот ключевое слово, между тем думал я.

Хотелось что-нибудь записать, всё равно что, записать, заменяя общение со спутниками. Впрочем, спутников у меня уже давно не было, были только попутчики.

А с попутчиками давно перестал я желать общения.

Во время этого долгого перемещения одиночество следовало за мной.

Но вот я наконец достиг мыса Тарханкут, где степь обрывается в море, а вода плещет в скальные ниши.

Сверху, сквозь прозрачную воду, были видны камни на дне и зелёные пятна водорослей.

А над всем этим жили, двигаясь подобно гигантским насекомым, радиолокационные антенны, и каждая раскачивалась, вертелась по своему, в разных плоскостях.

Я смотрел с обрыва на склон и заходящее багровое солнце. Что-то рвалось в самом серд-

це, и казалось, что нужно запомнить навсегда или записать это что-то.

Но долго такое состояние не может длиться, снова нужно было выходить к людям.

Вблизи Тарханкута я пристал к лагерю религиозных людей.

Они были мало приспособлены к полевой жизни.

Странно в ней беззащитными.

Я чинил им палатки, орудуя кривой иглой, и разговаривал о вере.

Были хозяева в этих разговорах похожи на тренированных пилотов в нештатной ситуации. Мгновенно перебирали заученные варианты реакции, а когда становились в тупик, отсылали к братьям по вере — по месту жительства оппонента.

Я отвечал им чужой фразой, чтобы не спорить. Приятель мой, объёмный чудной человек, слоняясь по Москве за однокурсницей, задумчиво повторял: «Непросто это, Татьяна, непросто...»

Эту фразу и я печально тянул, вздыхая, в ответ на тягучие речи этих свидетелей высшего знания, — и значило это, что не спорю, но и не соглашаюсь.

При этом я думал про себя о том, как красиво и метафорично имя этих людей.

Свидетели.

Как многозначительно это название и как странны эти люди.

Лагерь напоминал пионерский — с дежурствами, первой группой, второй группой, какими-то начальниками. Пробираясь в ночи между палаток, я видел, как они ведут при

скудном свете переносных лампочек свои политзанятия.

— А на это, — слышался голос невидимого инструктора, — нужно рассказать притчу о жучке. Дело в том, что...

Море гремело в двух шагах от палаток. На полоске песка, заглушаемые прибоем, разговаривая, стояли две маленькие девочки.

Одна твердила другой:

— И весь этот мир подарят нам там!

А другая отвечала, сообразуясь с какими-то пророчествами:

— Но этих звёзд мы больше не увидим...

И неведомая мне самоотверженность была в словах этой маленькой девочки, неведомый подвиг. Дескать, эти звёзды так красивы, но, если так надо, я готова проститься и с ними.

Но я был далёк от этих жертв, и они мне не нравились.

Пришлось покидать их лагерь в темноте, и это тоже похоже на метафору.

Была ночь, и лагерь спал. Как и все эти дни, грохотало море, и неравномерными вспышками бил маяк с мыса. Я взвалил на себя рюкзак и, перешагивая через растяжки палаток, пошёл к дороге. Автобусы не ходили, а путь до ближайшего городка мне предстоял неблизкий — километров тридцать.

Пока я шёл, начало светать.

Потом, сменив автобус на троллейбус, попал я на шоссе к морю, там жил один мой знакомец. Он обитал в убогом домике, похожем на школьный пенал. Пенал имел крохотные отделения для карандашей-отдыхающих.

Прислонив рюкзак к стене, я приоткрыл дверь.

Он спал ничком, как убитый солдат. Много кто в моей жизни спал так.

Мы с ним путешествовали из одного конца полуострова в другой, окунаясь в духоту автостанций и подъезжая на попутках. Местный поезд, задыхаясь, вёз нас спиной вперёд по степи, мимо пересохших озёр и жухлой травы.

Вместо названия единственной станции было написано: «Кафе „Встреча“». Это было указание на будущие знакомства.

Сидя на обочине, мы разглядывали виноградники, утыканные бетонными палочками. Поля эти были похожи на плантации растущих телеграфных столбов — совсем пока маленьких, белых и чистых.

Машины проносились мимо — загорелая рука, высунувшаяся из окна, рассеянный взгляд. Выбритая наголо женщина за рулём; старик, везущий доски на крыше; семья и мальчик, прилипший к окну. Ехал грузовик со странной конструкцией в кузове, похожей на гиперболоид, мчался продуктовый *рафик*, пыхтел тяжеловоз с огромной чёрной трубой на прицепе.

Все ехали куда-то, наверное тоже находясь в поисках смысла.

Но вот и нас подобрал автобус, и мы присоединились к братству Перемещения.

С нами ехали татары. Говорили они чудно и быстро. Ехала женщина с девочкой позади нас и говорила с дочерью, наоборот, медленно — как неисправные магнитофоны того времени. Автобус проскакивал ущелья и въезжал в деревни, а сами деревни заканчивались

длинными навесами для сушки табака. Там висел настоящий табак, зелёно-жёлтый, кольцами навязанный на верёвки.

У Владиславовки, под стеной железнодорожного сооружения, было изображено нечто совсем забытое: четыре коричневых лица и подпись: «Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым!» Была пора, когда таких лиц было трое — русский, негр и китаец. Потом китайца стали заменять вьетнамцем. Здесь всех строителей коммунизма уравнили палящее солнце и пыль. Молодость разных народов была неразличима. Мы лениво курили, разглядывая неизвестный стройотряд.

— Это ничего, — глубокомысленно сказал мой друг. — В Феодосии, на автостанции, есть вывеска: «Пункт гигиены». Это сортир.

Мы забирались в горы и рассматривали созвездия на выгнутом южном небе. Деловитые спутники-истребители перемещались по его картонной черноте — без всякого билета.

Мимо нас пролетали жучки, мошки и бабочки пролетали мимо нас, большие птицы, взмахивая крыльями, пролетали мимо нас. Муравьи, с шорохом перебирая лапками, пробегали мимо нас. Стада баранов поутру, звеня колокольчиками, проходили мимо нас по каменистым дорогам.

Осмысленная жизнь проходила внизу, мимо нас, лежавших на макушке холма.

На горном плато мы встретили одинокого толстого человека в панамке, который громко бормотал, уговаривая самого себя:

— А вот и чабрец, его — можно, значит... Можно, если без корня. А вот и саранча — её и с корнем можно... И никому не повредит.

Короткие толстые пальцы человека шевелились в земле как червяки, а карманы его наполнялись разноцветной травой.

Солнце заходило между холмами, окрашивая наши лица в алый цвет.

Лёжа на обрыве полуострова Казантип, друг мой изучал ракушки. Ракушки держались на клейких соплях сидящих в них улиток, так что это были скорее не ракушки, а раковины, примостившиеся на каждом камешке в бухте. Обернувшись, я рассматривал стройку Крымской АЭС. Казантип был объявлен заповедным, и, может, оттого, а не вопреки этому в каждой бухточке стояла палатка, а в воде вместе с полиэтиленовыми медузами отдыхали нарушители. У горизонта Азовского моря медленно перемещалось какое-то корыто.

Перемещение — вот что гнало нас с Казантипа в безводную долину грязевых вулканчиков под Булганак, где на гладких серых зеркалах лопаются метановые пузыри.

Мы снова пересаживались с автобуса на троллейбус. Троллейбус же вёз нас к морю. По морю мы плыли на чадающем кораблике серии «Александр Грин», рывками перемещавшегося в пространстве.

На причалах толпились люди в соломенных шляпах, снимающие с себя, как майки, обгоревшую кожу.

Из-под навесов нам уже кричали, призывно поднимая стаканы.

Мы скидывали рюкзаки и подсаживались. Луна заслоняла солнце, но стаканы не успевали высыхать. В нашу компанию вливались ма-

ленькие бутылочки с крымским рислингом за девяносто копеек. Нас сопровождала мадера «Крымская», с картой полуострова на этикетке. Утром наш взгляд встречал коньяк «Коктебель» в пузатой бутылке. Стоя на тумбочке, она, эта бутылка, давала повод приподняться с кровати.

В генуэзском кабаке нам наливали портвейн в трёхлитровые банки, а у автобусной остановки мы запасались пивом. Под столиком я коллекционировал бутылки — вот «Бастардо», вот «Ай-Серез», вот массандровский портвейн разных цветов. По этим названиям можно было вести календарь.

Будь моя воля, я бы называл вина шекспировскими именами — белое сухое «Офелия», портвейн «Полоний», горькая настойка «Король Лир»... Ну и конечно, коньяк «Гамлет».

Впрочем, закавказские личные имена давно уже включили в себя этот ряд.

По телевизору между тем шла реклама со словами «спокуса смаку». Я воспринимал эти слова как закуску. Закуски во всех смыслах у нас было маловато.

Бывшие советские республики оказались чем-то вроде женщины, с которой у тебя был роман, но вы расстались, и эта женщина прожила уже самостоятельную жизнь, чуть состарилась, достигла чего-то, и вот вы встретились, и ты пытаешься ухаживать за ней снова.

Сколько ни любовались мы, словно герои великого Де Костера, своими флоринами, все они отправились в страну беспутства под звон бутылок и дребезжание кружек.

И снова вокруг нас вращались Владиславовка, Щепетовка, Приветное, Соколиное, снова Приветное. Случайно я попал в гости к уцелевшим евреям, вернее, вовремя уехавшим. И теперь мы пили жидкий чай и слушали тревожные еврейские песни. Уцелевшие старики кивали в такт своими бородами, похожими на грязные клочкастые подушки.

Я представлял себе, что это осколок другой идеи — мифической автономии евреев в Крыму. Кажется, за это расстреляли Еврейский антифашистский комитет. Богоподобная власть решила, что Крым тождествен Земле обетованной, объектом устремления, замещающим Эрец-Исраэль.

Один мой знакомый кинематографист на вопрос, почему все съёмки советского кино происходили в Крыму, ответил:

— Очень просто: всё дёшево и всё есть.

Действительно — всё было, практически любой тип природы можно найти в Крыму. Это превращает Крым в Эдем, рай-заповедник. Этот кинематографист рассказывал мне, что не только кавказских пленников лучше снять в Крыму. Однажды группа отдыхающих у Нового Света заглянула в туннель, пробитый в скале для царской дороги. За прошедший день внутренность туннеля изменилась, на его стене появилась стальная дверь с кнопочным управлением.

Люди задумчиво ковыряли кнопки.

Дверь не открывалась.

Потом выяснилось, что это дверь на американскую военную базу из приключенческого фильма про военных моряков.

Идя по лесу, можно обнаружить истлевшую боевую колесницу и останки летающей тарелки. Что, спрашивается, больше реально — современная военная техника или обнаруженный тобой в пляжном песке шлем римского легионера с мосфильмовским клеймом?

Я опять думал о войне, потому что это была очень странная часть человеческой деятельности. Она была присуща всем народам, и в каждой стране было министерство обороны, но ни в одной — министерства нападения.

Проезжая на троллейбусе мимо села Перевального, точно посередине между Симферополем и Алуштой, я постоянно встречал толпу негров в солдатских шинелях советского образца. Военная история Крыма удивительна. Даже если делить мемуарные цифры на воображаемый коэффициент правды, партизанские действия в крымских горах поражают. Горные аэродромы оборонялись от немыслимых полчищ вражеских солдат. При этом Крым — странная земля с налётом ничейности — она принадлежала всем и одновременно никому. Какой-то очередной наш собеседник говорил, что, согласно мирному договору с Турцией двухсотлетней давности, именно она, Турция, а не какое другое государство должно владеть Крымом. Я никогда не спорил в разговорах о политике.

«Да-да, — говорил я. — Турция. Как интересно».

Миф косвенно сообщал о том, что Крым не принадлежит никому. Как не может принадлежать никому Царство Божье. И точно так же, как метафора не может принадлежать ни-

кому. Она может лишь иметь исторические корни восприятия.

Впрочем, и это я хотел записать, потому что эти законсервированные разговоры могли потом пригодиться.

Но горный рай был опасен и без войны.

В начале восьмидесятых по рукам моих друзей ходила книжка «Осторожно, горы!». Это было руководство по технике безопасности, написанное не столько для туристов, сколько для отдыхающих. Оно больше напоминало страшный сюжет: «На охоту поехало шесть человек, а вернулось-то только четыре. Двое-то не вернулись».

Несколько туристов в жаркий летний день замёрзли в Большом каньоне. Курортника снимали со скалы при помощи вертолѐта. Студент с переломленным позвоночником жил в пещере ещё сутки. Школьники заразились энцефалитом. Море выносило утопленников десятками. Купальщица умерла в мучениях после встречи с медузой.

Много лет назад я был в этих горах, поднимался вверх и опускался вниз вместе со своей будущей бывшей женой. Стоял ноябрь. Моросил дождь, между тем воды в горах было мало. Приходилось черпать её из каменных ванн — настоящую на буковых листьях.

Чёрный этот настой был явной отравой, как настой на мухоморах берсеркеров.

На плато Караби мы оставили рюкзаки, чтобы добежать до края, — закатное солнце валилось в тучи, кровянило их, как вату. Зрелище стоило того — и мы несколько минут зачарованно наблюдали этот катаклизм.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ БЕРЕЗИН
СВИДЕТЕЛЬ

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная вёрстка Михаила Львова
Корректоры Наталья Бобкова, Светлана Фёдорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 21.01.2025.
Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 17,88. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MOD-36742-01-R